

Фото Екатерины Боярских.

Выживание как новый абсолют культурного самосознания

В начале третьего тысячелетия мы сталкиваемся с исчерпанностью релятивистских ценностей и с потребностью новых абсолютов. Поскольку новых образцов ни истины, ни красоты, на которых строилась система религиозного мировоззрения, пока что не обнаружено, в качестве такового абсолюта может оказаться ситуация угрозы вымирания и обострившийся инстинкт выживания. Само по себе и умирание, и выживание абсолютны. И в качестве таковых они могут содействовать изменению сложившейся системы относительных критериев культурного универсума. Умирание — необратимо и абсолютно. Поэтому стремление к выживанию — безусловный инстинкт.

В 21 веке возможно изменение структур ценностей, обуславливающих

Александр Раппапорт,

архитектор, теоретик
искусства, критик,
авторский блог:
rapardes.blogspot.com,
Папардес, Литва

Ценности культуры и проблема выживания

многие культурные процессы, в том числе и художественное творчество. В 20 веке культурные и творческие процессы были обусловлены идеями прогресса и свободы. Обе эти категории обеспечивали некоторые, пусть относительные, критерии оценки. Прогресс опознавали так: сравнивали предыдущее и последующее состояния и фиксировали какой-то существенный сдвиг или приращение, например, в сложности или в новизне. Свобода опознавалась как рефлексивная переоценка границ возможного и расширение этих границ в системе художественных средств или социально-культурных норм.

Что же касается абсолютных критериев, например, истины и красоты, то их система прогресса и свободы не учитывала, бездоказательно упоывая на то, что

прогресс и есть автоматическое расширение сферы истины и красоты. Таковы были постулаты научной картины мира.

Планетарная клаустрофобия

Одним из симптомов приближающегося умирания в искусстве оказывается постепенная утрата таких традиционных форм искусства, как классическая музыка, живопись, джаз — в известном смысле, и архитектура.

Им на смену приходит постоянно расширяющий свои границы **дизайн**. Однако в мире потребительской культуры со временем начинает ощущаться своего рода пустота, бессмысленность, рождающая монстров.

Одним из симптомов вырождения дизайнерской культуры становится сокращение осмысленного пространства — унификация различных точек земной

замкнутости культурного космоса этим преодолено не будет. Ибо колонизация и экспансия, как и экстаз — убегание из собственных пределов, центробежное стремление к бесконечности, в незанятое, пустое пространство. Таковой была и колонизация сельской природы городом, кончающаяся на наших глазах. Урбанизация и её технический экстаз подходят к точке насыщения, к концу.

Возникает предположение, что идея бесконечности, рождённая в философии и теологии, заимствованная наукой, а затем и искусством, исчерпала свои возможности. Мы нуждаемся в адекватной альтернативе. Одной из таких альтернатив мне представляется идея уникальности. Но идея уникальности сама по себе содержит опасность дискommуникабельности, которая в условиях становления планетарных коммуникативных систем

На выставке «Запретное искусство – 2006» посетители рассматривали экспонаты через специальные глазки в стене. Фото с сайта www.jesuschrist.ru.

поверхности, стереотипизация среды. Этот феномен усиливает ощущение ограниченности земного пространства и невозможность вырваться за пределы так или иначе организованного социума. Что рождает чувство обречённости и убивает возможность свободы.

Я условно называю перспективу этого процесса *«планетарной клаустрофобией»*.

Возможным выходом из перспективы планетарной клаустрофобии недолгое время считался выход в космическое пространство. Однако даже если жителям Земли и удастся добраться до пригодных для жизни или обитаемых планет иных галактик — ощущение

может быть не менее катастрофичной. Следовательно, идея уникальности должна быть ограничена какими-то новыми формами общности и групповых ценностей. Что это за ценности, пока что не ясно. Но есть основание считать, что значение традиционных форм групповой и смысловой замкнутости в виде нации, расы, класса, религии и т.п. уже принадлежит прошлому. Требуется новая открытая система культурных ареалов, которая обеспечивала бы индивидуальную свободу самоидентификации в бесконечном выборе форм и ценностей. Только в таком случае планетарная культура обрела бы новый космос, адекватный микрокосмической свободе и уникальности каждой личности.

Марсель Дюшан и его работа «Фонтан».

Ценности культуры и проблема выживания

Музеефикация в контексте оппозиции живого и мёртвого

В поисках таковых форм было бы полезно извлечь уроки из художественной рефлексии 20 века. В частности, из идеи музеефикации культуры. С одной стороны, музеи служат средством сохранения жизненно важных ценностей прошлого. С другой — сама форма музея как своего рода кладбища культуры лишает эти ценности необходимой степени жизненности. Соотношение живого и мёртвого становится новым показателем успеха в деле культурного и духовного возрождения. Нельзя не учитывать и парадокс музея, способного оживлять мёртвое и убивать живое. Классический пример этому даёт акция Марселя Дюшана — его знаменитый «Фонтан». Обсуждения этого события, на мой взгляд, всё ещё не учитывают того, что магическое превращение случайного предмета в шедевр окупается гигантскими культурными фондами мирового музея. Но чем больше будет происходить такая ревалоризация случайного, тем меньше будет этот фонд и его способность к валоризации. Разность потенциалов музейного и бытового, как и священного и светского в процессе расширения музейного пространства, может привести к своего рода «тепловой смерти» культуры.

Парадоксы музеефикации можно привести как внутри, так и вне сферы художественной деятельности и самодеятельности. Вот несколько:

1. Политическая функция сакрального пространства Кремля. Переезд большевиков в Кремль содействовал восстановлению символов царской власти. Сталин был уже полноправным самодержцем. Путин, появляющийся в интерьерах кремлёвских палат, точно также поневоле изображает императора всея Руси. Музеефикация Кремля в 1970-х годах и открытие доступа в него усилили ощущение, что современные политические фигуры — это редимейд старых. Сакрализация домوزهиная и сакрализация музейная создали в Московском Кремле некий симбиоз, в котором рефлексия условности среды и значимости фигур ведёт к разрушительной рефлексивной девальвации¹.

2. Скандал в Третьяковке вокруг коллекции А. Ерофеева вызван отчасти тем, что произведения соцарта не адекватны сакрализованности исторического

¹ Ситуация с престолонаследием Медведева, однако, не усилила, а девальвировала этот образ. Решительным для Медведева шагом по выходу из ограничивающей его монархической традиции был бы отказ от работы в Кремле и переезд в административное здание.

искусства и разрушают священную ауру музея. Быть может, нет смысла продолжать настаивать на размещении этих произведений в музее, имело бы смысл построить свой музей ГЦСИ.

3. Попытка Томаса Кренса соединить искусство и дизайн в музее Гуггенхайма, выставив там мотоциклы, содействовала сакрализации мотоциклов, но не подняла престиж самого музея Гуггенхайма. А готовность М. Пиотровского выставить эту же экспозицию в Эрмитаже была смягчена в своей разрушительной силе тем, что речь шла о корпусе Главного штаба, хотя в целом всё идёт в ту же сторону.

4. Инициатива сэра Николаса (Серота) по созданию в Лондоне музея Тэйт Модерн может рассматриваться как попытка разделения типов ценностей, но она не доведена до конца.

лексивную игру в попытке сохранить традицию. Конечно, лучше было бы устроить эту инсталляцию в реальном сортире. Подобная двусмысленность порой толкает искусствоведов на мысль о том, что писсуар Дюшана был плодом его собственного дизайнерского творчества.

Рефлексия и коммуникация

Делаем вывод: *существует два вида рефлексии — рефлексия девальвации и разоблачений и рефлексия утверждения*. Конфликт ценностей в таком случае осуществляется в виде процесса коммуникации между двумя агентами «Я» и «Другой». Как правило, в девальвирующей рефлексии Я уничтожает позиции Другого, демонстрируя более высокий ранг рефлексии. На девальвирующей рефлексии строится стратегия имманентной борьбы, то есть борьбы

«Сие есть тело моё». Автор — Александр Косолапов. Шелкография на бумаге, 1995 год. Экспонат выставки «Запретное искусство — 2006».

По сей день культурный и сакральный статус галереи Тэйт Модерн остаётся двусмысленным.

5. Интересна инсталляция И. Кабакова на выставке в Москве, где в муляже была устроена квартира. В своей основе это римейк дюшановского «Фонтана». Но, конечно, в большом объёме и с инверсией внешнего и внутреннего. Здесь не писсуар вносится в музей, а нечто музейное (семья как антикварный объект) вносится в сортир. Ликвидация перегородки, разделяющей мужскую и женскую части, и имитация семейного быта внутри сортира тоже чрезвычайно символична. Но то, что вся эта инсталляция в свою очередь размещается в пределах музейного пространства, замыкает реф-

без обращения к третьей стороне. К некоторому «третьейскому» суду или к лобой другой инстанции, трансцендентной и для Я, и для Другого.

Но коммуникативный анализ позволяет всё же обнаружить такую инстанцию. Это сама коммуникация. Рефлексия возможна только при условии осуществления коммуникации. В ситуации дискоммуникации невозможно ни утверждение (перед кем?), ни разоблачение (оппонент отсутствует).

Обнаружение возможности коммуникации предполагает выявление такого коммуникативного уровня или горизонта, на котором участники рефлексивной процедуры уравниваются или отождествлены. Без опоры на такой

Ценности культуры и проблема выживания

уровень нет возможности применять к ним критерии утверждения или отрицания. Это уровень игры, постулированных правил взаимодействия.

На этом уровне отождествления возникает вопрос о причинах расхождений и процесса размежевания. Оба участника рефлексивной процедуры подлежат оценке причин и условий, при которых они оказались в позициях оппонентов.

В известном смысле на этом уровне происходит то, что Гегель называл «отрицанием отрицания». Тотальный отказ от коммуникации — дискommуникация — есть полная изоляция. Разрушение всех мыслимых «правил», то есть фактически смерть. Но это обоюдная смерть соперников.

Томас Манн в романе «Волшебная гора» обыграл эту ситуацию в сцене дуэли Сеттембрини и Нафты. Нафта совершает самоубийство, и тем самым убивает и своего оппонента.

Противоположный вариант — согласие на том или ином коммуникативном уровне и последующий анализ процесса размежевания. Здесь трансцендентной инстанцией оказывается сама ситуация коммуникации. В рефлексивной интерпретации это означает актуализацию категории совести. В политической терминологии этому соответствует ситуация «переговоров». Отказ от переговоров, о чём выше шла речь, означает готовность к убийству и самоубийству. Совесть в таком случае интегрирует участников диалога и оппозиции, удостоверяет общность их «природы». Противоположный совести случай — указание на общую трансцендентную перспективу или Бога. Мысль о единстве Бога в таком случае означает не что иное, как утверждение единой природы людей или имманентность процессов коммуникации.

Тем не менее в самих процессах коммуникации и рефлексии дело не сводится к факту рефлексии или факту коммуникации. Успех зависит от способности вовлечь в эти процессы предметные сущности, оказавшиеся в силу тех или иных обстоятельств забытыми или игнорируемыми. Обнаружение этих сущностей в утверждающей рефлексии есть акт, трансцендентный по отношению к самой коммуникации и рефлексии. Это есть акт припоминания или откровения. Акт восстановления утраченной полноты или «истины». Парадокс рефлексивного замыкания, однако, состоит в том, что в конечном времени такое припоминание и откровение сводится к самому акту равенства в коммуникации к диалогу.

Диалог оказывается не столько формой, сколько онтологической постоянной существования или жизни. Противоположность диалогу и есть смерть.

Поэтому убийство и самоубийство и в истории социальных противостояний, и в личных конфликтах людей практически неразделимы. Агрессивный характер идеологии В. Маяковского логически привёл его к самоубийству.

В связи с этим мне хотелось бы вспомнить утопическую перспективу коммунизма в работах К. Кантора, который видит цель человеческого прогресса в таком развитии личности члена общества, когда каждый бы достиг уровня Сократа, Рабле или Маяковского (этих идеалов К. Кантора). Попытка представить себе общество многих Марксов и Сократов выглядит, однако, карикатурно.

Вероятно, это подмена процессов состоянием. Диалог не есть состояние — это процесс, и рефлексия конфликта всегда возвращает к процессуальности. Утопия же всегда есть подмена процесса состоянием.

Диалог всегда предполагает актуализацию забытой предметности. Поэтому оказывается, что радикализм авангарда, который постоянно строился на отказе от культурных форм, сам по себе принципиально утопичен и агрессивен. В истории же он естественно смыкался с агрессивностью тоталитарной власти, поскольку тоталитаризм и есть абсолютная форма радикализма.

Трансцендентное и имманентное.

Вертикаль и горизонталь.

Энергия жизни

Все эти проблемы указывают на существенную значимость трансцендентного измерения культуры. Ранее трансцендентное измерение культуры удерживалось мифологией и религией, с приходом научной идеологии оно стало постепенно уступать место линейности прогресса, которая стала сливаться с имманентной сменой потребительских ориентаций. Это соотношение удобно обозначить категориями вертикали и горизонтали. Ранее в каждом культурном ареале была своя вертикаль духовной власти. Ныне её заменяет вертикаль политической власти. Но вертикаль политической власти по природе своей не трансцендентна, а имманентна, и локальные иллюзии относительно её трансцендентности (например, культы «бессмертных» вождей вроде Сталина и Гитлера) обнаруживают свою историческую непрочность.

Это соображение позволяет ввести в оборот и категорию **энергии**.

Духовные энергии не менее важны, чем энергии физические. Солнечный свет, конечно, до сих пор был и остаётся источником жизни, если не выйдет за рамки установившихся в последние миллиарды лет границ интенсивности. Что же касается духовных энергий, то их источник пока что не ясен. Но не исключено, что противопоставление земли и солнца, как констант планетарной цивилизации, сможет в будущем обрести новую духовную значимость, которая позволит населению нашей планеты обрести и необходимую меру интегрированности, и необходимую меру различия. Именно в рамках этой оппозиции могла бы развёртываться и парадигма соотношения жизни и смерти, и обновлённая парадигма развития и свободы.

Если удастся создать такой устойчивый духовный космос, то осознанная в начале третьего тысячелетия проблема смерти и выживания войдёт в него как интерпретация этой вечной мифологической постоянной, на несколько сотен лет заслонённой категориями прогресса и свободы.

Подготовка текста к публикации —
Михаил Немцев